

УДК 81'371:512.19  
DOI 10.17223/18137083/67/19

**Е. Н. Афанасьева**

*Политехнический институт (филиал)  
Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Мирный*

### **Вербализация образа человека в якутском языке**

Рассматриваются способы вербализации образа человека на материале якутского языка. На основе анализа лексического значения, производных форм и сочетаемости слова *kuhi* 'человек' выявляются основные характеристики человека. По данным языка создается модель, основу которой составляют черты эпических персонажей и современного человека. Гендерная маркированность и национальная идентичность являются обязательными характеристиками героев эпоса-олонхо. В целом в картине мира якутского языка представлен синкретический образ, объединяющий свойства эпического (языческого) человека и современника, принявшего черты христианского мировосприятия.

*Ключевые слова:* якутский язык, образ человек, значение слова, сочетаемость, вербализация, концептуальный признак.

Целью настоящей работы является моделирование образа человека по данным якутского языка. Анализ ограничивается именем существительным *kuhi* 'человек' (мн. ч. *дьон* 'люди') и его производными. Для создания более полного вербального образа рассматриваются этимология, лексическое значение слова, его словоизменительный и словообразовательный потенциал, парадигматические и синтагматические связи основной номинации. Материал собран из лексикографических источников, художественной литературы, республиканских газет «Кыым», «Эдэр саас», литературного журнала «Чолбон» и интернет-сайтов.

#### **Лексическое значение слова *kuhi* и его употребление**

В мифологии якутов человек представлен как дитя среднего мира. В трехъярусной структуре мироздания он занимает свое место между верхним и нижним мирами. Подобные сведения о сотворении мира и человека содержат Орхонские надписи VIII в. в Монголии: «*Ўзэ кёк тэңгэ асра јабыз јір кылынтукда, акин ара кісі оҕлы кылынмыс*» (Большая надпись) [Малов, 1951, с. 28] 'Когда сотворено

*Афанасьева Евдокия Николаевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Политехнического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (ул. Тихонова, 5/1, Мирный, 678174, Россия; lukow@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 2  
© Е. Н. Афанасьева, 2019

(или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или возникли) сыны человеческие (т. е. люди) [Там же, с. 36]. Древнетюркская форма *kiši* имеет следующие значения: 1) человек, человеческий, 2) жена, производная форма *kišilik* человечность, ср. *kis* I, *kišilik qil-* поступать человечно [ДТС, с. 310]. В современном якутском языке в структуре слова *kihi* произошли некоторые семантические и функциональные изменения: I. 1) человек, 2) близкий, знакомый, 3) разг. любовник, 4) разг. муж. II. 1) в значении местоимения я, он, 2) кто-то, некто [БТСЯЯ, с. 164].

В контексте слово актуализирует следующие значения:

1. Абстрактный человек, человек вообще: *Киһи барахсан кыраба да сөп буолар* [Лугинов, 2000, с. 194] ‘Человеку, бедняге, надо мало’; *Кыһалба кыһайдабына киһи туюкха бабарар үөрэнэр* [Там же, с. 211] ‘Если заставит нужда, человек научится всему’.

2. Конкретный человек. Будучи центром атрибутивного сочетания, слово *kihi* сохраняет свою семантику, а определяющий элемент конкретизирует ее. В словосочетании *эр киһи* ‘мужчина’ компонент *эр* имеет самостоятельное значение ‘муж’, ср. древнетюркский *er*: *Дьахтар айылбатынан наар эр киһиэхэ үчүгэй буоллун диэн саныыр*. Л. Попова [Чолбон, 2015, с. 18] ‘Женщина по своей природе всегда думает о том, чтобы мужчине было хорошо’. Свободные словосочетания, в которых первый компонент выполняет атрибутивную функцию, показывают возраст, пол и другие признаки человека, например: *оҕо киһи* ‘молодой человек’ (ребенок + человек), *дьахтар киһи* ‘женщина’ (женщина + человек), *оҕонньор киһи* ‘пожилой человек’ (старик + человек), *эмээхсин киһи* ‘пожилая женщина’ (старуха + человек). *Кырдыбас киһи буолан удьуора быстыбакка салдьаныан бабарар*. Попова Л. [Там же] ‘Как человек в преклонном возрасте он хочет, чтобы его род продолжался, не прерываясь’; *Бэйэтэ саастаах, оҕонньор киһи*. И. Колосов (Кыым<sup>1</sup>, 02.05.2010) ‘Сам он в возрасте, пожилой человек’; *Аба киһи санаата туолан иһигэр үөрүүтэ сүрдээх*. Л. Попова [Чолбон, 2015, с. 20] ‘Как отец он полон тихой радости от того, что мечта его сбылась’.

Атрибутивные сочетания с причастием на *-быт* выражают действие или состояние субъекта. *Эн таһырдыаттан киирбит киһи кэпсээнин?* Л. Попова [Там же, с. 21] ‘Что ты расскажешь, человек, зашедший с улицы?’; *Туран кэнээбит киһи быһытынан дьэтигэр барда*. Л. Попова [Там же, с. 20] ‘Встав, как успокоившийся человек пошел домой’. В некоторых случаях употребляется форма с аффиксом *-лыы* с компаративным значением *киһилии* ‘подобно человеку, как человек’: *Аанна кэлэн, саараабыт киһилии тохтоон турар* У. Харалы [Там же, с. 12] ‘Подойдя к двери, он останавливается словно неуверенный человек’.

3. В модальных сочетаниях, обозначающих состояние человека, выполняет функцию безличного местоимения: *Киһи да кыбыстар... Хайыахпытый?* У. Харалы [Там же] ‘Стыдно... Что поделаешь?’ букв.: ‘человеку стыдно’; *Киһи дьиксиниэбэ элбэх* [Лугинов, 2000, с. 62] ‘Есть много настораживающего (человека)’.

4. В некоторых конструкциях с аффиксом принадлежности становится показателем личного местоимения: *Бу киһиң өйүн-мэйиитин! Киһиң холкутун көр!* [Амма Аччыгыйа, 1994, с. 102] ‘Смотри-ка, какой он умный! Смотри-ка, как он спокоен!’, букв.: ‘твой человек’. В форме винительного падежа также может заменить местоимение: *Хата киһини куттаата* [Там же, с. 199] ‘Ты меня напугал’, букв.: ‘человека напугало’; *Киһини кыһырдан, арааһы саңардан эрэбин...* [Там же, с. 91] ‘Разозлив меня, ты сам напрашиваешься на резкие слова’, букв.: ‘разозлив человека’.

<sup>1</sup> Кыым: Якутская республ. общест.-полит. еженед. газ. URL: <http://www.kuym.ru> (дата обращения 10.09.2016).

5. В сочетании с причастием на *-быт* и именными основами с аффиксом *-лаах* является средством выражения модальности желания. В данном случае лексическое значение утрачивается: *Баран көрбүт, кэпсэнтит киһи...* Улдьаа Харалы [Чолбон, 2015, с. 10] ‘Хорошо бы сходиться, посмотреть и поговорить...’; *Итинник балтылаах киһи барытыгар бишгэ сылдыллыа этэ, көмөлөсүһэн, ардыгар мөккүһэн...* О. Гаврильева-Айсана [Там же, с. 30] ‘Если бы у меня была такая сестра, то везде мы были бы вместе, помогали бы друг другу, иногда и спорили бы...’

### Синонимы

Синонимический ряд слова состоит из фольклорных перифраз, которые встречаются в эпических поэмах и в торжественной речи: *икки атах* (*икки атахтаах*) ‘двуногий’, *орто дойду оҕото* миф. ‘дитя среднего мира’, *ураанхай саха* ‘якут урянхаец’. Наряду с основной номинацией, лексическая единица *икки атах* (*икки атахтаах*) является самой употребительной: [Уруң Аар тойон]: *икки атах инники кэскилин бэйэтэ алдьатар* [Кондаков, 2014, с. 192] [‘Господин Юрюнг Аар]: двуногий сам разрушает свое будущее’. Постоянным эпитетом человека в эпосе-олонхо служит формульное выражение: *Арбаһыттан тэһиннээх, иннинэн сирэй-дээх, устаты муруннаах ураанхай саха* [Ойуунускай, 2003, с. 16] ‘Якут урянхаец, имеющий поводья на спине, лицо, направленное вперед, с прямым носом’.

Значение ‘человечество, человеческий род’ передается словосочетанием *киһи аймах* (от имен существительных *киһи* ‘человек’ + *аймах* ‘род’, ‘родня’, ‘родственники’). В эпических сказаниях используются синонимы: *айыы аймаҕа* ‘племя айыы’, *үс (түөрт) саха* ‘якуты’ (от имен числительных и этнонима *үс* ‘три’, *түөрт* ‘четыре’ + *саха* ‘якут’). *Үс саханы үөскэтэргэ ыйыллыбыт, түөрт саханы төрөтөргө төлкөлөммүт Саха Саарын тойон* [Там же, с. 46] ‘Господин Саха Саарын, предопределенный для зачатия трех якутов, для рождения четырех якутов’. В фольклоре понятие человека связано с национальной идентичностью.

В разговорной речи употребляются формы с оттенками пренебрежения, уничижения и с уменьшительно-ласкательным значением: а) заимствование *дууһа* от русского «душа»: *Бу дууһа хантан өйдөөх буолуой?* [Амма Аччыгыйа, 1994, с. 132] ‘Разве этот человечико может быть разумным?’; б) производные варианты *киси*, *дууса* с чередованием *h > c*: *Оо, дьэ киси да бөбө үөскүүр эбит!* [Там же, с. 233] ‘М-да, плодятся же разные людишки!’; в) аффиксальные образования *киһийдэх пренебр.* ‘человечико’, *киһичээн* уменьш.-ласк. ‘человечек’; г) аналитические формы с уменьшительно-пренебрежительным значением *киһи дуома*, *киһи элээскэтэ* ‘человечико (слабый, немощный)’ [ГСЯЛЯ, с. 113], в то же время возможен перевод ‘человечек, горе человек’. Л. Н. Харитонов объясняет происхождение частицы от слова *дуом* ‘обряд, церемония, обыкновение’, а слово *элээскэ* как производное от глагола *элэй-* ‘стачиваться, стираться, изнашиваться’ [Там же]. Э. К. Пекарский зафиксировал слово *älämä* ‘отрепье, обносок’ [Пекарский, 1958, т. 1, с. 241], т. е. *элээмэ*, а форма *элээскэ* с добавлением суффикса *-ик-* является результатом влияния русского языка. На наш взгляд, частица *дуом* по своей семантике ближе к монгольской основе *тобог* ‘труха, мелочь’, ср. якутское *тобох* ‘объедки, остаток’. Эти обозначения могут быть следствием сословного различия и выражают высокомерное отношение привилегированной части общества к представителям низших слоев.

### Концептуальные признаки человека

В результате анализа лексического значения, деривационного и сочетаемостного потенциала слова *киһи* выявлены основные концептуальные признаки изу-

чаемого объекта. Человек обладает как положительными, так и отрицательными свойствами, однако он стремится к идеалу благородства и совершенства.

**Благородный человек.** В языке олонхо сохранилось много слов, обозначающих и характеризующих человека. По сюжету победителем выходит благородный человек *айыы кихитэ* ‘человек светлого Среднего мира, сотворенный и покровительствуемый божествами Верхнего мира; человек от бога, добрый человек’ [БТСЯЯ, с. 164]. Человек с добрыми помыслами приравнивается к святым и является образцом гуманности, добродетели и мужественности: *киһи кинээһэ* ‘самый лучший’, букв.: ‘князь среди людей’ от русского «князь». *Кихи кинээһин, килбинэнээх бэрдин, үөһээ үтүөтүн, үөрэхтээх бастыңын Сээркээн Сэһэн ошоньору... орто туруу дойдуга олохтообуттара эбитэ үһү* [Ойуунускай, 2003, с. 20–21] ‘Лучшего из людей, доблестного, выдающегося из верхов, образованнейшего старика Сээркээн Сэсэнэ... поселили на срединную землю’. Согласно мифологии человечество (*ураанхай саха*) берет свое начало от небожителей солнечного мира: *күн улууһа, айыы аймаҕа* ‘солнечный улус, род божеств айыы’. *Күн улууһун көмүскэтэ, айыы аймаҕын араҥаччылата... Дьулуруйар Ньургун Боотур диэн... бухатыыр кихини киллэрбиттэрэ эбитэ үһү* [Там же, с. 56] ‘Для защиты солнечного улуса, для спасения племени айыы отправили богатыря по имени Стремительный Ньургун Боотур’. Такие основные характеристики благородного человека, как доброта и готовность к защите, выражены в формуле: *айыы кихитэ аһыныгас, күн кихитэ көмүскэс* ‘человек айыы жалостлив, человек солнца – заступник’: *Айыы кихитэ үтүө санаанан сирдэтинэн, амарах быһыынан арыалдьыттанан аһыныгас буолар* [Кондаков, 2014, с. 76] ‘Человек айыы, руководимый добрыми помыслами и состраданием, жалостлив’. Антиподом *айыы кихитэ* является *абааһы кихи* ‘скверный, дурной человек’, букв.: ‘человек-бес’ [БТСЯЯ, с. 164], обладающий худшими качествами. С аксиологической точки зрения оценки «хорошо» и «плохо» в современном языке выражаются нейтральными словосочетаниями-антонимами *үчүгэй кихи* ‘хороший человек’ и *куһаҕан кихи* ‘плохой человек’: *Бу кэпсэнэр Порфирий Коноваловы үчүгэй да, куһаҕан да кихи диэн быһаччы сыана быһар кыах суох.* И. Колосов (Кыым, 02.05.2010) ‘О Порфирии Коновалове, о котором рассказывают здесь, я не могу прямо сказать хороший он или плохой’. Как показывает материал, благородство, сострадание и заступничество являются важными характеристиками эпического человека, который противостоит силам зла, скверным, дурным людям-бесам.

**Человек – совершенное существо.** Слово *киһи* имеет ярко окрашенную гендерную маркированность; главная роль в жизни отводится к мужчине: [*Аар Тойон*] *Аан дойду айыллыабыттан, кихи-аймах сиргэ үөскүөбүттэн, айар-тутар, салайар күүһүнэн эр кихини анаабыта* [Кондаков, 2014, с. 79] ‘Со времен сотворения мира и появления человеческого рода [Аар Тойон] наделил мужчину созидательной и правящей силой’. Многие устойчивые сочетания, выражающие высокую степень похвалы, относятся к мужчине:

*Кихи бэрдэ* (=эр бэрдэ) ‘лучший, настоящий человек (мужчина); смельчак, удалец, добрый молодец’ [Нелунов, 2002, с. 402]; *Дабаан, эр бэрдэ, өр гыныа дуо, өтөр икки хоңор хааһы тутан кэллэ* [Лугинов, 2000, с. 160] ‘Дабан, молодец, долго не задержался, вскоре вернулся с двумя дикими гусями в руках’.

*Кихи (киэнэ) киһлэ* ‘человек-кремень’ [Нелунов, 1998, с. 223]; *Биһигиттэн [хайыһардьыттартан] үүнүөбэ кихи киэнэ киһлэ, ньургуна.* И. Федосеев [БТСЯЯ, с. 61] ‘Из нас [лыжников] вырастут крепкие люди, лучшие из лучших’.

*Кихи кэрэмэһэ* ‘человек, который выделяется среди других своими положительными качествами’ [Нелунов, 1998, с. 223], ‘прекрасный во всех отношениях человек’ [БТСЯЯ, с. 166]. По всей видимости, слово *кэрэмэс* восходит к древнетюркской основе: *käräm* ‘благородство, великодушие’, *kärim* ‘великодушный, милостивый, щедрый’ [ДТС, с. 290]. Сочетание часто встречается в заголовках ста-

тей о замечательных людях, например: И. Портнягин «Киһи кэрэмэхэ, саха саарына» (заголовок статьи о фольклористе И. В. Пухове в газете «Саха сирэ» – 26.06.1998); название сборника «Киһи кэрэмэхэ» (1999), посвященного памяти якутоведа М. А. Чоросова.

Человек в расцвете сил предстает как полноценное существо *сиппит-хонпут киһи* ‘зрелый человек’. *Оттон киһи быһытынан ситэн-хотон тахсарбар улахан өңөлөөх киһинэн кылааһым салайааччыта Василий Семенович Яковлев-Далан буолар.* Е. Борисов (Эдэр саас<sup>2</sup>, 21.08.2002) ‘А в моем становлении как человека большую роль сыграл мой классный руководитель Василий Семенович Яковлев-Далан’. Быть человеком – это значит состояться в жизни, при помощи служебного глагола *буол-* ‘быть’ образуется глагольная форма *киһи буол-* ‘быть, становится человеком’: *Киһи буолуох киһи буоллахпына, саха буолуох саргылаах буоллахпына... сирэм маңан аартыгым, силэлэн кулу!* ‘Если мне суждено стать человеком и состояться как якут, откройся щедрая, белая путь-дорога моя!’ [Ойуунускай, 2003, с. 37] Право быть человеком нужно заслужить, настоящий человек закаливает свою волю: *Мин даһаны кэннибинэн кэхтибэт киһи буолубум...* ‘И я тоже стану человеком, не способным пятиться назад’ [Там же, с. 289]. В то же время существует вера в предопределенность судьбы, при помощи отглагольного имени существительного *оңоһуу* (от *оңор-* ‘делать’) ‘предопределение’ с аффиксом *-лаах* образуется сочетание *киһи буолар оңоһуулаах* ‘ему предназначено стать человеком’.

Дети – это будущее, в них следует воспитывать лучшие качества: *Киһи буолан килбэйиэ этэ, саха буолан сандаарыа этэ диэннэр* [Там же, с. 23] ‘В надежде, что он будет процветать как человек и блистать как якут’. При помощи причастия на *-ых* глагола *табыс-* ‘выходить’ образуется сочетание, выражающее предположение о будущем толкового ребенка: *киһи тахсыах оҕото* ‘из него получится хороший человек (о ребенке)’ [БТСЯЯ, с. 167], т. е. ‘из него выйдет толк’. Отсутствие этого значения у глагола *табыс-* в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского подтверждает его более позднее появление под влиянием русского языка. Человека можно формировать и перевоспитывать: *киһи гын-* (варианты *киһи-хара гын-* (*оңор-*)) ‘вывести в люди, взрастить’ [БТСЯЯ, 2007, с. 168]. *Эн иитиэхтээн киһи гыммыт оҕолоруң бүгүн кэйээр баһылыктара буоллулар* [Лугинов, 2000, с. 76] ‘Дети, которых ты взрастил, сделал из них людей, стали сегодня владыками степи’. Служебный глагол *гын-* ‘делать’ с аффиксом *-ма* (*-ыма*) образует отрицательную форму 3-го лица *гыныма-*, например: *киһи гыммат (онгорбот)* ‘легко одолевать, побеждать кого-что-л., ему он не соперник’ [БТСЯЯ, 2007, с. 165], т. е. свести соперника на нет. На состязаниях выявляются сильнейшие борцы, а побежденный в единоборстве словно перестает быть человеком: *Кини күүстээх улахан тустуук, миигин киһи гыммат* [Там же] ‘Он сильный, большой борец, меня легко одолевает’.

Человеку свойственны слабые стороны. *Киһи буолан баран ким киэң көхсө кыараабатай?* [Ойуунускай, 2003, с. 197] ‘Человек есть человек, и он впадает в отчаяние’, см. фразеологизм *киэң көхсө кыараата*, букв.: ‘спина его сузилась’ [Нелунов, 1998, с. 227]. Противоречивость природы ставит его перед выбором, он мог бы или хотел бы совершать проступки, однако в его силах сдержаться. Устойчивое сочетание *киһи эрэ буоллар* выражает противительно-уступительную оценку высказываемой мысли (‘все же, все-таки’) [БТСЯЯ, с. 173], букв.: ‘будучи человеком’: [Харсаанай] *Сири хастарары, киһи эрэ буоллар, аныыргыыр* [Кондаков, 2014, с. 215] [Карсанай] ‘Все-таки он не берет греха на душу раскапывать землю’. Человек – *айылба оҕото* ‘дитя природы’ и разрушение окружающей сре-

<sup>2</sup> Эдэр саас: Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). URL: <http://old.sakha.gov.ru> (дата обращения, 01.10.2016).

ды считается грехом. Сочетание *айылба обото* можно считать калькой из русского языка. В словаре Пекарского нет слова *айылба* 'природа', оно обнаруживается в терминологическом словаре П. Ойунского [Ойуунускай, 1993, с. 313]. Очевидно, термин был создан в советское время. Примечательно и то, что основоположник якутской литературы А. Е. Кулаковский в поэме «Байанай алгыһа» («Благословение Байаная»), написанной в 1900 г., не употребил слова *айылба*, вместо него упоминаются имена существительные *тыа* 'лес', *хайа* 'гора'. Казалось бы, благословение обращено к силам природы.

Нравственная деградация личности неприемлема; опустившийся человек вызывает презрение: *киһи аатыттан ааспыт* 'стал недостойным носить имя человека'; *Кырдьык даҕаны киһи аатыттан ааһар суолга үктэнним дуо, бу?* П. Аввакумов [БТСЯЯ, с. 164] 'Неужели, правда, я ступил на путь саморазрушения?'

Свои требования к качествам человека диктовали и суровые климатические условия. Первой необходимостью для обеспечения жизни была физическая сила; немощного, тяжелобольного человека называют с сочувствием *киһи анаара* 'инвалид' букв.: 'полчеловека': *Баламаатап кэргэнэ баралыыстаан, киһи аңаара буолан сытарын Очуурап бэркэ диэн билэрэ.* Н. Якутскай [БТСЯЯ, с. 165] 'Очуров хорошо знал, что жена Баламатова лежала парализованная, стала инвалидом'.

Человек противоречив, но у него есть выбор – остаться человеком или нет. Физический недостаток вызывает сочувствие, а нравственная распушенность – осуждение. Заимствования из русского языка свидетельствуют о роли христианизации и русской культуры на формирование представления о человеке.

**Человек – эталон.** В воспитании детей некоторые выражения употребляются в качестве установки: «1) “Оҕо киһи хара буолуохтаах”, т. е, ребенок должен выжить и иметь навыки самообслуживания; 2) “Киһи киһитэ буолуохтаах”, ребенок должен адаптироваться, пройти успешную социализацию в обществе; 3) “Киһилээх киһи буолуохтаах”, своими человеческими качествами должен стать лидером в обществе». А. Соловьева (сайт «Уполномоченный по правам ребенка в Республике Саха (Якутия)», 08.11.2013)<sup>3</sup>.

Все вышеприведенные глаголы образованы при помощи причастия глагола *буол-* с аффиксом *-ыахтаах*, которое показывает будущее время должностельного наклонения: *киһи хара буолуохтаах* 'должен состояться как человек', *киһи киһитэ буолуохтаах* 'должен быть человеком для людей', *киһилээх киһи буолуохтаах* 'должен быть в окружении людей'. Значения последних двух словосочетаний представляют человека как члена общества; подчеркивают необходимость социальных связей.

Человек стремится к норме поведения, приемлемой обществом, должен соответствовать общепринятым требованиям. Семантика некоторых единиц мотивирована значениями сочетающихся слов. Форма послелогога может повлиять на изменение значения словосочетания. Рассмотрим сочетания имени существительного *киһи* (мн. ч. *дьон*) с разными формами имени прилагательного *тэң* 'равный, одинаковый': адвербиализованной формой в орудном падеже *тэңинэн*, в дательном падеже *тэңэ* в значении 'вровень, ровно, наравне' и послелогом *тэңэ* 'подобно, как, наряду с' в форме основного падежа с притяжательным аффиксом [ГСЯЛЯ, с. 161, 349, 363, 425]. При помощи данных форм выражается компаративное отношение, например: *киһи (дьон) тэңинэн сырыт (олор)*, *дьону кытта тэңэ, киһи (дьон) тэңэ* 'быть (жить) как человек (люди), наравне с людьми': *Кини кылааспыт оҕолоро бу сааспытыгар диэри дьон тэңинэн олорон, үлэлээн, олоххо көңүл позициялаах буоларбытыгар улахан сабыдыаллаах.* Е. Борисов (Эдэр саас, 21.08.2002) 'Он оказал большое влияние на моих одноклассников, несмотря на солидный возраст, до сих пор мы все живем и работаем

<sup>3</sup> <http://old.sakha.gov.ru> (дата обращения 12.06.2016).

наравне с людьми, имеем собственную позицию в жизни'. Отрицательная форма *тэңэ суох* 'не ровный, не равный' в составе устойчивого сочетания *киһи (сахэ) тэңэ суох (тутун, санан)* реализует значение 'высокомерно, надменно' [Нелунов, 2002, с. 108], букв.: 'не подобающе человеку (якуту)': *Манна Дьамыыха нүкэрдэрэ киһи тэңэ суох дьон кэлэн ааспыттара* [Лугинов, 2000, с. 89] 'Здесь проезжали молодчики Джамухи, в высокомерии им нет равных'. Норма поведения основывается на потребности в равенстве. Высокомерие и надменность не являются эталонными качествами.

Сочетания с послелогоми, образованными от имени существительного *тас* 'внешняя сторона', передают значение 'сверх меры'. При помощи формы орудного падежа *таһынан* 'вне, сверх' и наречия *таһыччы* 'сверх меры' создается образ человека, выделяющегося на фоне остальных какими-либо качествами. Неодобрительное выражение *киһиттэн таһынан* употребляется, когда поступок человека выходит за рамки нормы: *Кэпсээн абыран. Эйиэнэ барыта киһиттэн таһынан...* О. Гаврильева-Айсана [Чолбон, 2015, с. 29] 'Бесполезно тебе рассказывать. У тебя все не как у людей...' Сила, ум и талант выдающейся личности вызывают восхищение и одобрение: *киһиттэн (эрэ) таһыччы* 'человек, обладающий сверхчеловеческими способностями'. Синонимы *атын, ураты* 'другой, отличный' придают сочетанию и положительный, и отрицательный смыслы *киһиттэн (эрэ) ураты (атын)* 'не похоже на человека', т. е. его способности выходят за рамки обыденного представления: [*Саха Саарын тойон*] *Сахаттан эрэ саар ордуктук, киһиттэн эрэ кирис урдүктүк, урааңхайтан эрэ ураты улаханнык сананна даҕаны, саңарда даҕаны* [Ойуунускай, 2003, с. 46]. [Господин Саха Саарын] и почувствовал себя величественнее якута, на порядок выше человека, намного больше чем урянхаец и заговорил он так же'.

Имя существительное *киһи* является одной из самых продуктивных производящих основ. Глагол и наречие, образованные способом присоединения аффиксов *-лыы, -тый*, создают образ идеала – воплощения моральных и этических норм. Основу семантики глагола *киһитий-* составляют денотативное значение имени существительного и значение аффикса *-тый* как носителя признака уподобления: 'очеловечиваться, принимать человеческий облик; стать человеком, выйти в люди; образумиться; оправиться от тяжелой болезни': *Ойох ыллар, баҕар, өйүнтөйүн булунан киһитийиэх этэ*. П. Ойуунускай [БТСЯЯ, с. 176] 'Когда женится, может, образумится, станет человеком'.

Производное наречие *киһилии* 'подобно человеку, по-человечески, гуманно, достойно' сочетается с именем *киһи* и с глаголами, выражающими деятельность и поведение человека. С этой точки зрения человек является образцом гуманного отношения к окружающим, т. е. *киһилии киһи* 'порядочный человек' букв.: 'человечный человек': *Айылҕа сокуоннарын ким билэ сатыыр, айылҕаны харыстыыр, тупсара, байыта сатыыр, ол буолар киһилии киһи диэн* [БТСЯЯ, с. 174] 'Человечный человек – это тот, кто пытается познать законы природы, бережет окружающую среду, стремится улучшать и обогащать ее'. Сочетания с глаголами входят в состав практических наставлений: *киһилии сыһыаннас-* 'относиться гуманно к чему-либо', *киһилии кэпсэт-* 'разговаривать серьезно, с достоинством, говорить понятно', *киһилии үлэлээ-* 'работать добросовестно', *киһилии олор* 'жить по-человечески', *киһилии быһыылан* 'поступать гуманно, вести себя по-человечески', *киһилии сырыт* 'вести себя хорошо'. Ясная и выразительная речь вызывает одобрение: [*Олоңхоһут*] *Киһилии кэпсиэн кэбийбитинэн киһирдэ, сахалыы саңаран саймаһыптыынан барда* [Ойуунускай, 2003, с. 39] '[Сказитель] начал он рассказывать по-человечески, заговорил он по-якутски протяжно'. Во взаимоотношении людей человечность – необходимое качество: *Киһилии кэпсэтэн, сүүһүттэн өйөһөн сүбэлэһэр буолара эбитэ үһү* [Ойуунускай, 2003, с. 145] 'Говорят, [он] советовался, разговаривал по-человечески душа в душу'. Наречие *киһилии* приоб-

ретаат значение нормы: *Ол барыта нус-хас, кихилии холку олобу билэ илигиттэн* [Лугинов, 2000, с. 74] ‘Это все оттого, что он еще не знает по-человечески нормальную, спокойную жизнь’. Таким образом, форма *кихилии* актуализирует следующие смыслы: ‘хорошо говорить’, ‘уметь найти общий язык с другими людьми’, т. е. проявить человечность, ‘нормально жить (как все люди)’. Достойный человек выступает в качестве эталона гуманного отношения к окружающему миру. Он становится мерилем моральных и нравственных норм.

Устойчивые изафетные сочетания дают дополнительную характеристику. Человек, утративший авторитет в глазах других людей, вызывает пренебрежительное отношение: *киһи билэр кихитэ* пренебр. ‘известный своими недостатками человек, с ним все ясно’, букв.: ‘всем известный человек’, *киһи аахсыбат кихитэ* ‘человек, с которым не считаются’: *Сараанан даваны кихи билэр кихитэ этэ, билигин киһлдьийэлээх атыһыт буолан төһө да наһаа кизэбирбитин иһин.* Н. Якутской [БТСЯЯ, с. 165] ‘Знали мы раньше, кто такой этот Саранов, это сейчас он ходит гоголем, став купцом гильдии’. Отрицательная форма *ким билбэт кихитэ* буолан букв.: ‘кто его не знает как человека’ также дополняет образ: *Уот Уһутаакы уһун сордоох, ким билбэт кихитэ буолаңцын үрдүк халлааны үөгүлэтэ оонньоотуң!* [Ойуунуская, 2003, с. 206] ‘Бедняга Уот Усутаакы, кто ты такой, чтобы нарушить покой высокого неба!’ Недостойный человек не заслуживает внимания: *Ити баҕайыны тыһытыма, тукаам, кихи аахсыбат кихитэ* [БТСЯЯ, с. 164–165] ‘Сынок, не трогай его, окаянного, не надо с ним считаться’. Фразеология богата обозначениями непутового человека, например: *халлаан кихитэ* разг. ‘неприспособленный к жизни человек’, букв.: ‘человек неба’: *Мойот ыттары сатаан салайбат, халлаан кихитэ.* Т. Сметанин [Нелунов, 2002, с. 324] ‘Мойот не умеет управлять собаками, непутовый человек’.

**Свой.** В языке определена граница между понятиями «свой» и «чужой». В тексте олонхо встречаются обозначения чужака: *омук* ‘чужестранец, иностранец’, *татаар тыллаах* ‘татароязычный’. *Оҕоң барахсаны омук курдук көрдүң...* [Ойуунуская, 2003, с. 192–193] ‘На дитё свое смотришь как на чужую...’; *Саала-ахтан самнымма, оҕо сааскар охтоохтон охтума, уоттаах харахтаах утары көрбөтүн, татаар тыллаах таба эптэтин!* [Там же, с. 199] ‘Не погибай от ружья, не падай в молодости от стрелы, пусть огнеглазый не смотрит прямо в глаза и не заговорит татароязычный’. Между близкими людьми существуют доверительные отношения. Это значение передается сочетанием личного местоимения 1-го лица и имени существительного с аффиксом принадлежности *биһиги кихибит* ‘наш человек, один из нас’. Обозначение *бэйэ кихитэ* ‘свой человек’ является поздним образованием, заимствованным из русского языка, так как встречается только в современных текстах. *Семен Иванович артыал дьонугар бэйэ кихитэ буолбута ыраатта.* Н. Якутской [БТСЯЯ, с. 164] ‘Среди артельщиков Семен Иванович давно стал своим человеком’. «Свой» противопоставляется «чужому»: *атын (туора) кихи* ‘другой, чужой человек’: *Оҕонньор үрэх ортотугар устан кэлэн иһэн, дьыэтин таһыгар туора дьон баалларын билбит уонна турбутунан эрдинэн тиийэн кэлбит.* И. Колосов (Кыым, 02.05.2010) ‘Приблизившись к середине реки, старик узнал, что возле его дома есть чужие люди, и, стоя на лодке, приплыл к ним’.

Разговорный язык содержит много лексических единиц, обозначающих категории людей, стоящих вне социума: *кэли кихи (дьон)* ‘приезжий человек’, *хаамайы кихи* ‘бродяга’, *устугас кихи* ‘временщик’, *илэчиискэ* ‘бездельник’. *Кэли дьон, омуктар булугастара-сатабыллара, ардыгар кихи дьиктиргээн да курдук эбит.* С. Алексеев (Кыым, 20.05.2011) ‘Находчивость и изворотливость приезжих людей, чужеземцев иногда действительно удивляет’; *Кини кихи хайаан этэ быста сылдыар хаамайы түөкүңнэ дьылы, уонча эрэ кихилээх сылдыайы?* [Амма Аччыгыйа, 1994, с. 92] ‘Как он, собственной персоной, словно какой-то нищий бро-

дяга-разбойник может быть в окружении только десяти человек?» Имя прилагательное *устугас* ‘плавучий’ имеет переносное значение ‘часто меняющийся место работы, летун’; *устугас үлэһит* ‘летун’<sup>4</sup>; ‘временщик’. *Сайынны сынньаланнар кэмнэригэр оскуола оҕолоро мэнээк таһырдыа хонтуроола суох илэчиискэ сылдыбаттарын бэрэбиэркэлиир наадалаабын Ис дьыала миниистирэ Рашид Нургалиев эттэ* (Кыым, 09.06.2010) ‘Министр внутренних дел Рашид Нургалиев сказал о необходимости проверки занятости детей, чтобы во время летних каникул школьники не ходили без дела и контроля’. Такие качества, как непостоянство и ненадежность, не приветствуются.

**Эмоциональная личность.** Эмоции, свойственные человеку, передаются модальными сочетаниями с компонентом *киһи*. При этом, как пишет Н. Е. Петров, имя существительное *киһи* выступает как название абстрактного субъекта действия: «...с причастиями будущего времени глаголов чувственного восприятия, содержащих в своей семантике абстрактную возможность, слово *киһи* образует модальные сочетания» [Петров, 1988, с. 161]. Модальные сочетания с компонентом *киһи* выражают различные эмоции: радость – *киһи үөрүүх*, умиление – *киһи таптыах эрэ курдук*, восхищение – *киһи сөгүүх*, желание – *киһи ымсыгырыах*, жалость – *киһи аһыныах*, страх, ужас – *киһи этэ салаһыах*, мучение – *киһи тыына хааттарыах*, досаду – *киһи абарыах (абаккарыах)*, гнев – *киһи кыһыйыах*, стыд – *киһи саатыах*, *киһи кыбыстыах*, разочарование – *киһи кэлэйиэх*, обиду – *киһи хомойуох*, *киһи өһүргэниэх*, неприятное удивление – *киһи бэркиһиэх*, брезгливость – *киһи сиргэниэх*. Примеры употребления представлены в «Большом толковом словаре якутского языка» (2007): *Сааскы бурдук, киһи үөрүүх, дэхси үүнэн табыста*. М. Шолохов, перевод. ‘Весенний посев, к радости, взошел ровно’; *Киһи таптыах, үчүгэй да хатыңнар* ‘Как мило, какие хорошие березы’. *Киһи сөгүүх, оччоҕо ити поэт бобуулаах кэриэтэ этэ* [БТСЯЯ, 2007, с. 172] ‘Удивительно, в те времена этот поэт был почти запрещен’. Слово *киһи* придает семантике всего сочетания признак нормы, свойственной для человека. Сочетания в форме винительного падежа также характеризуют человека как эмоциональную личность: *киһини соһутта* ‘меня удивило’, *киһини куттаата* ‘меня напугали’, *киһини үөртэ* ‘меня обрадовало’, *киһини хомотто* ‘меня огорчило’ [Петров, 1988, с. 36, 194]. В некоторых случаях употребляются сравнительные сочетания: *Үлэ киһи сөбүүн курдук түргэн, тахсыылаах этэ* [Кондаков, 2014, с. 103] ‘Работа спорилась на удивление быстро и результативно’, букв.: ‘как будто человек удивится’.

## Заключение

В целом внешняя форма и семантика якутского слова *киһи* сохраняют основные черты древнетюркского прототипа. Фонетические и семантические модификации связаны со спецификой дальнейшего развития системы якутского языка и с влиянием других языков. Как лексическая единица имя существительное *киһи* реализует два основных значения: ‘абстрактный человек’ и ‘конкретный человек’. Как грамматическая единица выступает в качестве субъекта в составе атрибутивных и модальных сочетаний, выражает желание и выполняет функцию личного и безличного местоимений.

Синонимический ряд представлен фольклорными единицами высокого стиля и разговорной лексикой с оттенками пренебрежения, уничижения и с уменьшительно-ласкательным значением. Антонимы подчеркивают контраст между положительным и отрицательным образом человека.

<sup>4</sup> Саха тыла: электронный словарь. Якутск, 2012 URL: <http://sakhatyla.ru> (дата обращения 20.05.2016).

В вербализации образа человека используются лексические, фразеологические, морфологические и синтаксические средства: лексические единицы, фразеологизмы, аффиксальные и аналитические формы слова, парные слова, словосочетания, модальные сочетания, предложения. В торжественной и разговорной речи часто применяются эпитеты и целые конструкции из фольклорных текстов. Заимствования из русского языка свидетельствуют о влиянии русской культуры на формирование представления о человеке. Выделены следующие основные концептуальные признаки человека: «благородный», «совершенное существо», «эталон», «свой», «эмоциональная личность». Реконструированный вербальный образ имеет двойственный характер – свидетельство того, что человек может оказаться перед выбором между добром и злом. На земле человек выполняет определенную миссию, главное его назначение – совершать добрые дела и продолжать род. Совершенный человек предстает в образе зрелого мужчины, обладающего лучшими качествами. Несмотря на веру в предопределенность судьбы, человека можно воспитывать и перевоспитывать. Имея слабые стороны, он стремится к физическому и нравственному совершенству.

В эпической поэзии человек гендерно маркирован и национально идентифицирован. Доброта и заступничество являются основными характеристиками идеала благородного человека *айыы*. Его антипод – отрицательный человек *абааһы*. В современном языке это противопоставление выражается нейтральными антонимами *үчүгэй киһи* ‘хороший человек’ и *куһаҕан киһи* ‘плохой человек’.

Идеал совершенства – это зрелый, полноценный человек *сиппит-хоппут киһи*. Несмотря на слабые стороны и противоречивость характера, человек стремится к совершенству. Его противоположность – падшая личность *киһи аатыттан ааспыт* ‘стал недостойным носить имя человека’.

В качестве эталона человек является образцом соблюдения морально-нравственных норм; его поведение соответствует требованию равенства: *киһи тэңэ* ‘равный человеку’. Это гуманный, общительный человек, хорошо владеющий языком. Ему противостоят люди, поведение которых выходит за рамки человеческого *киһиттэн таһынан* ‘вне человека’.

Свой человек – это член общества по национальному признаку и по языку. В олонхо ему противопоставляется человек из чужого племени, говорящий на другом языке. В современном языке «чужой» – это непостоянный человек, пришлый временщик или бездельник. Видимо, такое отношение имеет прагматическую основу, человек должен приносить пользу обществу.

Исходя из вышесказанного, в картине мира якутского языка возникает синкретический образ эпического (языческого) и современного человека, принявшего черты христианского мировосприятия. При этом полученная модель положительного человека является идеалом, к которому следует стремиться.

### Список литературы

- Амма Аччыгыяа Сааскы кэм. Якутск: Бичик, 1994. 357 с.
- БТСЯЯ – Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгыта (Большой толковый словарь якутского языка). Т. 4: К – күөлэһиннээ. Новосибирск: Наука, 2007. 671 с.
- ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. Е. И. Убрятова. М.: Наука, 1982. 496 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Кондаков В. А. Айыы ойууна: Роман. = Шаман айыы. Ч. 1-2. Якутск, 2014. 424 с.
- Лугинов Н. А. Чыңыс хаан ыйаабынан: Роман. = По велению Чингисхана. Ч. 2. Якутск: Бичик, 2000. 464 с.

- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования / Отв. ред. А. Н. Кононов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 92 с.
- Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Т. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 287 с.; Т. 2. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. 419 с.
- Ойуунускай П. А. Талыллыбыт айымньылар. Т. 3. Якутск: Бичик, 1993. 472 с.
- Ойуунускай П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур: Олонхо / Саха Респ. Наукаларын акад. гуманитар. чинчийии ин-та. Якутск, 2003. 544 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. М., 1958–1959. 3858 стлб.
- Петров Н. Е. Модальные сочетания в якутском языке. М.: Наука, 1988. 279 с.
- Чолбон: Литературный и общественно-политический журн. Якутск, 2015. № 10.

E. N. Afanasyeva

*Polytechnic Institute (Branch of the North-Eastern Federal University), Mirny  
Russian Federation, lukow@mail.ru*

### The concept of human being in the Yakut language

The paper deals with the means of verbalization of the concept of *human being* in the Yakut language. The semantics of the word *kihi* is analyzed. The main conceptual models of the man are identified through the observation of lexical meaning, derived forms, collocations, synonyms and antonyms of the word. Language data allow creating a human model based on gender marking and national identity. The human being is represented as an ideal: “perfect being,” “standard,” “noble,” “insider,” “emotional person” with a set of positive and negative qualities. The criteria for the qualities of a human being are the equality and the norms accepted in society. A good man is opposed to the bad person whose behavior goes beyond the conventional. Therefore, the man has the following characteristics: insider, kind, respected, sociable, human and constant. Its antithesis is the image of the stranger, a poor, not respected, and despised by society. A man always has a choice between good and evil. Overall, the Yakut language represents the syncretic image of the epic (pagan) and modern man having adopted the features of the Christian worldview.

*Keywords:* Yakut language, human being, lexical meaning, collocation, verbalization, conceptual feature.

DOI 10.17223/18137083/67/19

### References

- Amma Achchygyya Saasky kem* [Spring Time]. Yakutsk, Bichik, 1994, 357 p.
- Cholbon: literaturnyi i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal* [Cholbon: Literary and socio-political journal]. Yakutsk, 2015, no. 10, 96 p.
- Drevnyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyayev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Eds). Leningrad, Nauka, 1969, 715 p.
- Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology]. E. I. Ubryatova (Ed.). Moscow, Nauka, 1982, 496 p.
- Kondakov V. A. *Aiyy oyuuna: roman. = Shaman aiyy. Ch. 1–2* [Shaman of Aiyy. Pt 1–2]. Yakutsk, 2014, 424 p.
- Luginov N. A. *Chyys khan yiaaḡynan: roman. = Po veleniyu Chingis khana. Ch. 2* [At the behest of Genghis Khan. Pt 2]. Yakutsk, Bichik, 2000, 464 p.

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti: Teksty i issledovaniya* [Monuments of ancient Turkic writing: texts and studies]. A. N. Kononov (Ed.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1951, 92 p.

Nelunov A. G. *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Vol. 1. Novosibirsk, SO RAN, 1998, 287 p.; Vol. 2. Novosibirsk, SO RAN, 2002, 419 p.

Oyuunuskay P. A. *D'uluruyar N'urgun Bootur: olonkho* [N'urgun Bootur the Swift: olonkho]. Sakha Resp. Naukalaryn akad. Gumanit. Chinchiyii instituta. Yakutsk, 2003, 544 p.

Oyuunuskay P. A. *Talylybyt aiymn'ylar. T. 3* [Selected works. Vol. 3]. Yakutsk, Bichik, 1993, 472 p.

Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka: V 3 t.* [Yakut language dictionary: in 3 vols]. Moscow, 1958–1959. 3858 stlb.

Petrov N. E. *Modal'nye sochetaniya v yakutskom yazyke* [Modal combinations in the Yakut language]. Moscow, Nauka, 1988, 279 p.

*Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ytá. T. 4: K – k̄ȳl-ehiir̄n-ee.* (Bol'shoj tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka) [A large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 4: K – k̄ȳlehiir̄nee]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 671 p.